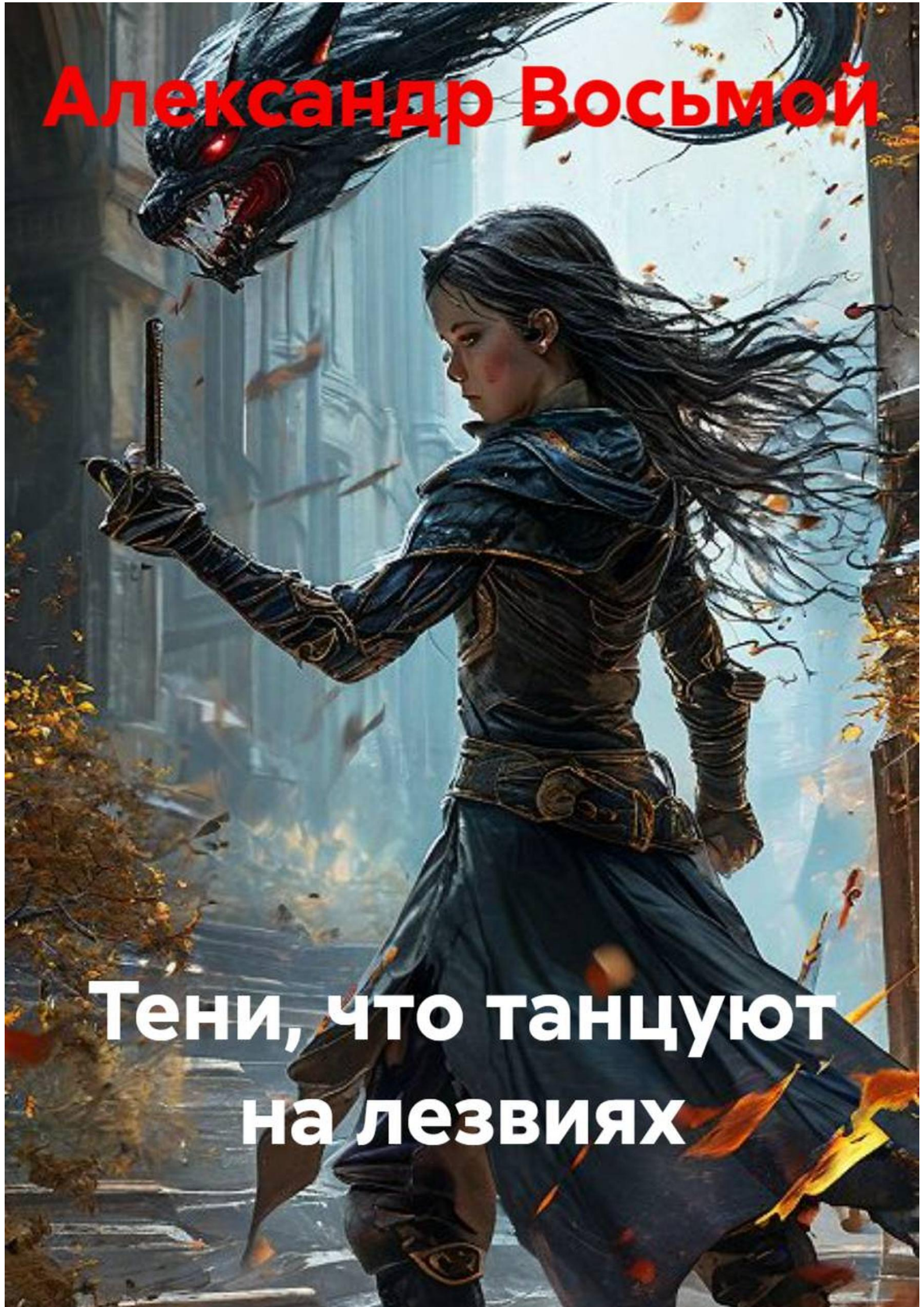

A woman with long dark hair, wearing dark blue and black armor with gold accents, is shown in a dynamic pose, holding a sword. She is facing a large, dark dragon with red eyes and a wide, toothy mouth. The background is a city street with falling leaves, suggesting an autumn setting. The overall style is cinematic and dramatic.

Александр Восьмой

**Тени, что танцуют
на лезвиях**

Александр Восьмой

Тени, что танцуют на лезвиях

«Автор»

2026

Восьмой А.

Тени, что танцуют на лезвиях / А. Восьмой — «Автор», 2026

«Тени, что танцуют на лезвиях» Воровка Юми научилась управлять своими тенями, чтобы красть не вещи, а воспоминания. Но когда её тень начинает жить своей жизнью, ей приходится сражаться с самой собой. Экшен — в зеркальных битвах: Юми против своей тени, где каждое движение повторяется с задержкой, создавая эффект «сломанного отражения». Эпичность — в борьбе с внутренним демоном, который становится всё сильнее.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Тени, что танцуют на лезвиях

Глава 1. «Первый шёпот тени»

Вечер опустился на город, словно тяжёлый бархатный плащ, усыпанный звёздами. Улицы тонули в густом тумане, который стелился по брусчатке, будто живое существо, жадное до каждого шороха. Фонари горели тускло, их свет едва пробивался сквозь молочную пелену, и в каждой луже отражался дрожащий круг — будто кто-то невидимый пускал по воде круги от брошенных камней.

Юми прижалась к стене особняка торговца, сливаясь с темнотой. Её плащ был сшит из лоскутов ночи — ткань поглощала свет, растворяя очертания фигуры. Она не собиралась красть золото или драгоценности. Ей нужно было воспоминание — один короткий миг из жизни торговца: запах утреннего чая, скрип половиц в детской, которую он давно покинул, тень матери на стене. Воспоминания были её оружием и её проклятием.

Она скользнула в приоткрытое окно, бесшумно, как дыхание ветра. В комнате пахло воском и старыми книгами. Торговец сидел в кресле, склонившись над бумагами, его тень тянулась по полу, чёрная, плотная, будто вырезанная из самой тьмы. Юми замерла в углу, закрыла глаза и потянулась к чужой памяти — тонкой, дрожащей нитью, что вилась вокруг головы мужчины.

Её пальцы дрогнули, и нить поддалась, скользнула к ней, как шёлковая лента. В тот же миг Юми ощутила чужой страх — не свой, а его, холодный и липкий, будто прикосновение мокрой ткани к коже. И тут что-то щёлкнуло внутри неё — как сломанная пружина.

Тень на стене дёрнулась.

Не вслед за движением торговца. Не вслед за Юми. Сама по себе.

Она вытянула «пальцы» из темноты и провела ими по полу, будто пробуя мир на ощупь. Юми почувствовала это не глазами — кожей, затылком, где волоски встали дыбом. Чужой взгляд изнутри себя — как будто кто-то стоял за её плечом и дышал ей в ухо.

— Ты... — прошептала тень. Голос был её собственный, но ниже, глуше, с хрипотцой, которой у Юми никогда не было.

Юми отшатнулась, ударившись спиной о подоконник. Воспоминание, которое она держала, рассыпалось, как песок сквозь пальцы, оставив после себя лишь привкус горечи. Тень на стене медленно подняла голову. Её очертания стали резче, будто кто-то провёл по контуру лезвием.

— Ты думаешь, ты управляешь мной? — прошептала тень снова. И в этот раз её губы на стене шевельнулись раньше, чем слова прозвучали в голове Юми.

Сердце Юми забилось где-то в горле. Она рванулась вперёд, пытаясь разорвать связь, но тень метнулась ей навстречу — не по полу, не по стенам, а прямо сквозь пространство, как будто не подчиняясь законам света и тени. Юми выхватила короткий клинок — лезвие вспыхнуло тусклым серебром, отражая дрожащий свет фонаря.

— Нет! — выкрикнула она, и её голос утонул в шуме дождя, который вдруг хлынул по крышам.

Тень рассмеялась. Это был смех Юми, но искажённый, как звук, пропущенный через разбитое стекло. Она прыгнула — тень прыгнула раньше. Юми взмахнула клинком — тень уже держала такой же, отражённый, призрачный, но острый настолько, что на её собственном запястье проступила тонкая красная линия.

«Сломанное отражение», — мелькнуло в голове у Юми. Каждое её движение тень повторяла с микрзадержкой, но в этот раз что-то пошло не так: тень опережала её.

Они закружились в танце, который не был танцем, а скорее — схваткой двух зеркал, каждое из которых искажало реальность. Клинок звенел о клинок, но удары не находили цели — или находили слишком поздно. Юми бросилась к зеркалу в углу комнаты, надеясь использовать его как ловушку: если тень отразится, она станет уязвимой. Но когда она разбила стекло рукоятью, осколки не упали — они зависли в воздухе, как застывшие капли воды, и в каждом из них Юми видела себя — но не ту, какой была, а ту, какой могла бы стать: холодную, безжалостную, пустую.

— Ты устала прятаться, — прошептала тень, и на этот раз её голос прозвучал не снаружи и не внутри, а везде сразу.

Юми зажмурилась, стиснула зубы и рванулась к окну. Она выпрыгнула в ночь, в дождь, в туман, который обнял её, как старое одеяло. За спиной раздался тихий смех — не её, но такой знакомый, что по спине пробежал холодок.

Когда она остановилась на крыше соседнего дома, тяжело дыша, её тень на мокром шифере лежала неподвижно. Но стоило Юми пошевелиться, как тень шевельнулась — и на долю секунды раньше, чем она сама.

Город продолжал спать, не подозревая, что в его тенях только что родилась новая угроза.

Глава 2. «Сломанное зеркало на перекрёстке»

Перекрёсток жил своей странной жизнью: ветер гнал по брусчатке сухие листья, и каждый из них отбрасывал тень, будто не подчиняясь положению тусклого солнца. Юми шла, стараясь не смотреть на собственные отражения — они пугали её теперь, казались чужими, чуть смещёнными, как будто мир слегка съехал с оси. Она знала, куда идти: к старому зеркальщику, о котором шептали в узких переулках Нижнего Квартала. Говорили, что он помнит времена, когда тени ещё не умели шептать.

Мастерская стояла на стыке двух улиц, будто нарочно зажатая между домами, чтобы не привлекать лишнего внимания. Вывеска над дверью давно выцвела, буквы расплылись, как подтёки чернил. Юми постучала — три коротких удара, пауза, ещё два. Дверь приоткрылась, и на пороге возник старик с глазами, в которых отражался не свет, а сама глубина стекла.

— Ты пришла не за тем, чтобы купить зеркало, — произнёс он, не приглашая войти, но и не закрывая дверь. — Ты пришла, потому что твоё отражение стало чужим.

Юми сглотнула, но кивнула. Слова застряли в горле, как осколки льда.

— Входи, — вздохнул старик и отступил в полумрак.

Внутри пахло пылью, воском и чем-то острым, как запах грозы перед ударом молнии. Сотни зеркал смотрели со стен, с полок, с низких столиков — большие и маленькие, овальные и прямоугольные, в резных рамах и вовсе без них. Они не просто отражали комнату: в каждом было своё, чуть искажённое видение мира. Юми почувствовала, как по спине пробежал холодок — будто тысячи её собственных взглядов одновременно скользнули по ней.

Старик закрыл дверь, и звук щелчка прозвучал, как удар клинка о камень.

— Тени-паразиты, — тихо сказал он, усаживаясь на низкий табурет. — Они цепляются к тем, кто играет с памятью. Забирают не только воспоминания — забирают право на собственное отражение. Сначала тень шевелится сама по себе. Потом начинает шептать. А потом... — он помолчал, глядя куда-то сквозь Юми, — потом она хочет стать тобой.

Юми вздрогнула.

— Как это остановить? — голос её прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя.

— Никак, — просто ответил старик. — Можно лишь научиться жить с этим. Или победить.

Он протянул руку к ближайшему зеркалу — высокому, в тёмной деревянной раме, стекло которого казалось почти чёрным.

— Коснись его, — велел он.

Юми заколебалась.

— Делай, — повторил старик. — Иначе не поймёшь.

Она протянула руку. Пальцы коснулись прохладной поверхности — и в тот же миг её тень на стекле сделала шаг вперёд. Раньше, чем Юми успела пошевелиться.

Время будто треснуло.

Тень на зеркале подняла руку — Юми ещё не успела поднять свою. Повернула голову — Юми только собиралась это сделать. В каждом движении была эта жуткая, неестественная опережающая точность, словно зеркало показывало не прошлое, а будущее, которое уже принадлежало не ей.

— Сломанное отражение, — прошептала Юми.

И тут тень улыбнулась.

Это была её улыбка, но кривая, хищная, с оттенком торжества, которого Юми никогда не чувствовала.

Старик отшатнулся, его лицо побледнело.

— Она уже не просто тень, — выдохнул он. — Она стала соперником.

Тень в зеркале шагнула вперёд — не как отражение, а как существо, выходящее из стекла. Её силуэт на мгновение расплылся, как дым, и вдруг оказался не в зеркале, а в комнате — полупрозрачный, но отчётливый, с острыми, как лезвия, контурами.

Юми выхватила клинок. Лезвие вспыхнуло тусклым светом, отразившимся от сотен стёкол.

— Не пытайся её убить, — крикнул старик. — Это часть тебя!

Но Юми уже не слушала. Инстинкт вора, инстинкт бойца взял верх: если враг перед тобой — бей.

Она бросилась вперёд, клинок описал дугу. Тень парировала — не имея оружия, она создала его из тьмы, и призрачное лезвие встретило сталь с визгом, похожим на скрежет стекла по камню.

Удар — ответ. Шаг — опережение. Юми двигалась быстро, как тень, но её собственная тень двигалась быстрее. Каждое движение Юми тень повторяла с микрозадержкой, но в этот раз задержка работала против неё: тень успевала просчитать траекторию, предугадать следующий шаг.

Комната превратилась в ловушку из отражений. Каждый осколок, каждая блестящая поверхность рождали новые копии Юми и её тени, множа хаос. Юми метнулась к стене, сбив с полки несколько маленьких зеркал — они упали, разлетевшись на осколки, и в каждом из них мелькнуло её лицо, искажённое страхом.

Но хуже всего было то, что осколки сами становились новыми зеркалами. Даже крошечные фрагменты отражали, создавали новые плоскости, новые углы, новые возможности для тени. Юми поняла: она не может победить, пока здесь столько отражений.

С рычанием, почти звериным, она начала крушить рамы, бить по стёклам рукоятью клинка. Звон стоял оглушительный, как раскаты грома в тесном пространстве. Осколки летели во все стороны, но каждый из них, падая, на мгновение вспыхивал, показывая не комнату, а чужие воспоминания — обрывки чужих жизней, которые Юми когда-то украла. Она видела лица, слышала шёпот, чувствовала чужую боль — и всё это смешивалось с её собственной, делая движения резкими, неточными.

Тень смеялась. Её смех звучал в каждом отражении, как эхо, умноженное на тысячу.

— Ты думаешь, ты можешь меня разбить? — шептала тень. — Я — это ты. Где бы ты ни ударила, ты ранишь себя.

Юми остановилась, тяжело дыша. Клинок дрожал в её руке. Она посмотрела на старика — он стоял, прижавшись к стене, его глаза были полны ужаса и сострадания.

— Беги, — прошептал он. — Пока можешь.

Юми рванулась к двери. Тень метнулась ей наперерез, но Юми нырнула под её удар, перекатилась и вскочила уже у выхода. Она распахнула дверь и выскочила на улицу, оставив за спиной звон разбитого стекла и тихий, торжествующий смех, который, казалось, доносился отовсюду.

На перекрёстке ветер стих. Солнце клонилось к закату, окрашивая крыши в багряный цвет. Юми прислонилась к стене, пытаясь унять дрожь. Её тень на брусчатке лежала неподвижно, чёрная и плотная. Но когда Юми осторожно пошевелила рукой, тень шевельнулась — и на долю секунды раньше.

Она не победила. Она лишь сбежала.

И теперь знала наверняка: враг жил не снаружи. Он жил внутри неё, и с каждым днём становился сильнее.

Глава 3. «Город, где тени ходят отдельно»

Нижний Квартал не просто жил в полумраке — он будто был скроен из теней. Узкие улочки извивались, как трещины в старом стекле, и в них никогда не задерживался дневной свет. Верёвки с бельём тянулись поперёк переулков, словно натянутые струны, готовые зазвенеть от любого резкого движения. Простыни и рубашки, выцветшие от солнца и дождей, хлопали на ветру, и их тени скользили по стенам, будто живые существа, ищущие, к кому бы прильнуть.

Юми шла, стараясь ступать бесшумно, но даже её шаги отдавались эхом, будто кто-то невидимый повторял их чуть раньше, чуть резче. Она не доверяла ни стенам, ни лужам, ни даже собственной тени, которая теперь двигалась с пугающей самостоятельностью. Каждый раз, когда Юми делала шаг, тень на стене словно проверяла мир — вытягивала «пальцы», касалась кирпичей, будто хотела убедиться, что это не ловушка.

В этом квартале люди не смотрели на свои отражения. Если кто-то случайно замечал тень, отворачивался быстро, будто увидел что-то неприличное, запретное. Здесь знали: тень может предать.

Юми свернула в очередной переулок и замерла. На груде ящиков сидел мальчишка лет двенадцати — босоногий, в залатанной куртке, с лицом, покрытым пылью и уличной копотью. Он смотрел не на Юми, а на стену рядом с ней. Его глаза были странно спокойными, будто он привык видеть вещи, которые другим лучше не замечать.

— Она тебя не слушается, — сказал он, не поворачивая головы. — Твоя тень. Она ходит отдельно.

Юми сжала рукоять клинка, но не выхватила его.

— Откуда ты знаешь?

Мальчишка пожал плечами.

— Я тут всё вижу. Вчера тень старика с рыбного ряда ушла от него на три шага вперёд. А потом остановилась и посмотрела на него... как будто решала, оставить ли его в живых.

У Юми по спине пробежал холодок.

— И что было дальше?

— Старик убежал, — просто ответил мальчишка. — Больше его тут не видели.

Он наконец посмотрел на Юми — прямо, без страха.

— Ты хочешь научиться с этим жить? Или хочешь победить?

Юми помолчала. Слова застряли в горле, но она заставила себя произнести их:

— Хочу научиться двигаться так, чтобы тень не успевала за мной.

Мальчишка усмехнулся — не зло, а как человек, который слишком рано понял, как устроен этот город.

— Тогда иди за мной.

Он спрыгнул с ящиков и скользнул в лабиринт переулков, двигаясь так легко, будто сам был тенью. Юми последовала за ним, чувствуя, как её собственная тень на мгновение замерла, будто раздумывая — идти ли следом или наконец-то сделать что-то своё.

Они оказались на крошечном дворе, зажатом между четырьмя домами. Над головой висели верёвки, бельё колыхалось, создавая причудливую игру света и тени. Мальчишка остановился и повернулся к Юми.

— Здесь свет неправильный, — сказал он. — Он ломается об эти тряпки, дробится. Тень не может понять, где настоящая стена, а где просто пятно. Если ты научишься использовать этот хаос, твоя тень начнёт ошибаться.

Юми кивнула, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

— Покажи, — прошептала она.

И мальчишка показал.

Он начал двигаться — не плавно, а резко, с рваными переходами. Прыгал на ящики, отталкивался от стены, проскальзывал под верёвками, и каждый раз его тень на секунду терялась в переплетении теней от белья, будто спотыкалась о собственные очертания.

Юми попробовала повторить. Первый прыжок вышел неуклюжим — её тень метнулась вперёд, опережая её, и на мгновение показалось, что она вот-вот вырвется из-под контроля. Юми почувствовала это изнутри — как холодный укол, как чужое желание двигаться быстрее, дальше, без неё.

Она стиснула зубы и попробовала снова. На этот раз она не думала о траектории, а чувствовала свет — где он падает, где ломается, где создаёт слепые зоны. Она прыгнула, оттолкнулась от стены, перекатилась под верёвкой, и в тот миг, когда её силуэт растворился в пёстрой тени от простыней, тень на стене дрогнула, будто потеряла её.

На долю секунды Юми оказалась быстрее.

Мальчишка улыбнулся.

— Вот оно. Ты не должна быть быстрее тени. Ты должна стать невидимой для неё.

Юми выдохнула, чувствуя, как адреналин смешивается с чем-то похожим на надежду.

Но в этот момент тень на стене шевельнулась — и не как отражение, а как хищник, который только притворялся спящим. Она вытянула «руки» из темноты и скользнула по кирпичам, будто проверяя, насколько близко может подойти.

— Она поняла, — прошептал мальчишка, и в его голосе впервые прозвучал страх. — Она поняла, что ты учишься.

Тень на стене подняла голову. Её очертания стали резче, будто кто-то провёл по контуру лезвием. И в этот раз она не просто повторила движение Юми — она предвосхитила его. Юми едва успела отпрыгнуть, когда тень метнулась туда, где она только собиралась встать.

Звон металла — Юми выхватила клинок, но тень уже исчезла в полумраке переулка.

— Беги! — крикнул мальчишка. — Она приведёт остальных!

Юми не стала спрашивать, кого он имеет в виду. Она рванулась вперёд, ныряя под верёвки, перепрыгивая через ящики, чувствуя, как тень скользит по стенам, догоняя её, опережая, предсказывая каждый шаг.

Они выбежали на крышу — старую, покосившуюся, с проржавевшими листами железа. Ветер здесь был сильнее, он рвал одежду, свистел в щелях, и тени от антенн и труб метались по поверхности, как живые. Юми остановилась на краю, тяжело дыша, и посмотрела вниз — на лабиринт улиц, где тьма уже начинала сгущаться.

Тень появилась на краю крыши — не следом за Юми, а раньше. Она стояла, слегка наклонив голову, будто изучая свою хозяйку.

— Думаешь, ты научилась прятаться? — прошептала тень её голосом, но ниже, глуше, с хрипотцой, которой у Юми никогда не было. — Я чувствую каждый твой вдох.

Юми сжала клинок. Её пальцы побелели от напряжения. Она знала: в лобовой схватке тень победит. Она была быстрее, расчётливее, безжалостнее. Но у Юми было то, чего не было у тени — знание этого города.

Она огляделась. На соседней крыше стоял старый фонарь — ржавый, с треснувшим стеклом, но ещё работающий. Рядом с ним — стопка деревянных ящиков, покрытых пылью. И ещё — несколько листов жести, брошенных кем-то давно.

План сложился в голове за долю секунды.

Юми рванулась вперёд — не к тени, а вдоль края крыши, к фонарю. Тень метнулась за ней, но Юми уже была на шаг впереди, используя каждый выступ, каждую неровность, чтобы сбить ритм. Она схватила фонарь и сорвала его с крепления. Стекло треснуло, и тусклый свет вырвался наружу, отразившись от ржавых листов жести.

В этот момент Юми швырнула фонарь в сторону — не вниз, а так, чтобы он ударился о жестяной лист и отскочил, создавая вспышку света. Тень на мгновение замерла — свет ослепил её, нарушил привычный ритм «сломанного отражения». Юми не теряла времени: она схватила ящик и швырнула его в сторону, где тень только собиралась появиться. Ящик ударился о трубу и разлетелся, подняв облако пыли. В этом хаосе света, пыли и теней Юми прыгнула — не вперёд, а вверх, цепляясь за антенну, подтягиваясь, перекатываясь через край, чтобы оказаться позади того места, где тень ожидала её увидеть.

Тень метнулась туда, где Юми только что была, и на секунду потеряла её из виду. Этого хватило.

Юми приземлилась на соседней крыше, тяжело дыша, но с победной искрой в глазах. Она не победила тень — но впервые заставила её ошибиться.

Мальчишка, который каким-то образом оказался рядом, посмотрел на неё с уважением. — Ты научилась быть невидимой, — прошептал он.

Юми покачала головой, вытирая пот со лба.

— Нет. Я научилась быть непредсказуемой.

Ветер стих. Город внизу продолжал жить своей жизнью, не замечая битвы на крышах. Но Юми знала: это только начало. Её тень становилась сильнее, умнее, хитрее. И если Юми не найдёт способ окончательно взять контроль над ней, однажды тень перестанет быть её отражением — и станет её хозяином.

Глава 4. «Клятва на острие»

Ночь легла на город тяжёлым плащом, усыпанным холодными звёздами. Юми стояла на краю крыши, глядя вниз, туда, где в глубине квартала темнел особняк — не просто дом, а крепость из камня и секретов. Его стены будто впитывали свет, не возвращая ни отблеска, ни намёка на жизнь внутри. Но Юми знала: жизнь там была. И она была опасной.

Перед этим шагом она остановилась, достала короткий клинок и провела пальцем по лезвию — не для проверки остроты, а чтобы почувствовать холод металла, заземлиться.

— Клянусь, — прошептала она, и ветер унёс слова, будто пытаясь спрятать их даже от неё самой. — Пока не одолею тень, не возьму ни одного воспоминания. Ни одного чужого мига.

Лезвие блеснуло, словно подтверждая клятву. Юми спрятала клинок и скользнула вниз, растворяясь в темноте, как капля чернил в воде.

Наставник нашёл её на рассвете, когда город ещё дышал сном, а тени были самыми густыми. Он сидел на краю старого моста, постукивая пальцами по перилам — ритм был ей знаком с детства: так он звал её на тренировку.

— Ты изменилась, — сказал он, не глядя на неё. — В тебе теперь не только твоя тень. В тебе — чужой шёпот.

Юми сжала кулаки.

— Я справлюсь.

Он наконец поднял глаза — в них не было ни осуждения, ни жалости, только усталая мудрость человека, который слишком много раз видел, как сила ломает тех, кто её берёт.

— Есть способ разорвать связь, — тихо произнёс он. — Древний свиток в особняке советника. Говорят, в нём записано заклинание, что отделяет тень от хозяина. Но цена высока.

Юми напряглась.

— Что за цена?

— Одно последнее дело, — спокойно ответил он. — Проникни в особняк. Возьми свиток. И больше никогда не используй силу теней ради кражи.

Она хотела возразить, но он поднял руку.

— Не ради выгоды. Ради спасения себя. Это не задание. Это испытание.

И Юми согласилась. Не потому что верила, что это сработает. А потому что у неё не осталось других путей.

Особняк встретил её тишиной, которая звенела, как натянутая струна. Юми знала, что тишина здесь — ловушка. Каждый шорох мог стать последним.

Она скользнула вдоль стены, используя тени как плащ. Но в этот раз тень вела себя странно: не стелилась послушно следом, а будто пробовала воздух, как хищник. Юми почувствовала это — лёгкое сопротивление, будто тень хотела пойти своим путём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.